

Джаз собственной персоной

"Rhapsody in Blue" в свое время объявили декларацией прав джаза в сфере большой музыки. Вот вам и "официальный" вклад Гершвина в мировую культуру. Но сегодня это не более чем факт: вряд ли кто из поклонников "Голубой рапсодии" будет скрупулезно анализировать степень "джазовости" и "академичности" этого произведения. Мы просто любим эту музыку, как и другие произведения Гершвина. И многие из нас не раз произносили: "Гершвин — любовь моя!", подобно строителям концерта, который состоялся недавно в ГЦКЗ "Россия". Он стал первым масштабным мероприятием из предстоящей серии вечеров, собранных воедино под емким и безапелляционным заглавием "Это джаз". Для того чтобы открыть галерею портретов великих джазменов, объединили усилия Правительство Москвы и столичный Комитет по культуре, издательский дом "Пушкинская площадь" и ТВЦ, Алексей Баташев в качестве арт-директора, импресарио Майя Кочубеева и неизменный спонсор многих джазовых концертов и фестивалей "Hennessy".

Начало было захватывающим, буквально с места в карьер. Постарался Олег Лундстрем, устроив "премьеру" всем известной гершвиновской "Рапсодии". Он переаранжировал это сочинение для фортепиано

и биг-бэнда, осуществив "прорыв" в сторону джаза. А в роли солиста выступил как раз академический "персонаж", Николай Петров, в репертуаре которого "Рапсодия" — один из признанных коньков. Оркестр "сыпал" гершвиновскими шлягерами, и к нему то и дело примыкали солисты: вокальный квартет "Москва-транзит", степ-компания Владимира Кирсанова и, наконец, звезда вечера, экзотическая птица — новоорлеанская креолка Дениз Перрье. Ее сипловатый низкий голос утопал в импровизационных россыпях великолепного пианиста Михаила Окуня. Тандем (при поддержке ритм-группы) получился замечательный: эмоционально ровная манера певицы в сочетании со своеобразным тембром голоса рождали насыщенную плотную краску, вокруг которой фортепиано вырисовывало солнечные многоцветные блики.

Однако это еще не все. Фаворитов искусства импровизации можно было с упоением разглядывать в фойе зала, где первый джазовый фотограф мира Марек Каревич представил серию удивительных портретов. В зале импровизация рождалась и исчезала во времени и пространстве, в фойе она застыла на мгновение, которое длится вечность.

Анна ВЕТХОВА

Культура. 2000. — 25-31 мая. — с. 10